

Почему элиты предают свои народы?

Особенности либерального сознания

© Делягин М. Г.

© Delyagin M.

Почему элиты предают свои народы? Особенности либерального сознания

Why elite betrays their people? Especially liberal consciousness

Аннотация. Глобализация меняет соотношение сил на мировой арене, систему ценностей и мотиваций. В результате национальные элиты предают интересы своих народов и переходят на службу глобальному бизнесу. Этот процесс лишает человечество возможности развития. Выход заключается в отказе от глобального капитализма в пользу технологического социализма. Для успешного противостояния либерализму надо осознать специфику сознания современных либералов.

Annotation. Globalization changes a ratio of forces on the world scene, system of values and motivations. As a result national elite betrays interests of the people and passes to service to global business. This process deprives mankind of possibility of development. The exit consists in refusal of global capitalism in favor of technological socialism. For successful opposition to liberalism it is necessary to realize specifics of consciousness of modern liberals.

Ключевые слова. Либерализм, глобальный бизнес, элиты, предательство, патриотизм, технологический социализм, сознание, агрессия, реформы.

Key words. Liberalism, global business, elite, treachery, patriotism, technological socialism, consciousness, aggression, reforms.

Где твоя страна, Каин?

Элитой общества с управленческой точки зрения является его часть, участвующая в принятии и реализации важных для него решений или являющаяся примером для массового подражания.

Подобно тому, как государство считают мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушающей при этом одни и усиливающей другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

В долгосрочном плане главным фактором конкурентоспособности общества становятся его мотивация и воля, воплощаемые элитой.

Предательство ею национальных интересов фатально: в глобальной конкуренции его можно сравнить лишь с изменой, совершаемой командованием воюющей армии в полном составе.

Строго говоря, этот феномен не нов. Один из ярчайших (и притом относительно недавних) его примеров дала царская охранка, поддерживавшая организованное революционное движение в России ради расширения своего влияния и финансирования. Она ничуть не в меньшей степени, чем японская армия, немецкий генштаб и американские банкиры, раздувала революционный костер, вышедший из-под ее контроля и спаливший все тогдашнее общество.

Ближе к нашим дням пример действия национальной элиты против своей страны дает опыт Японии конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда в мире было два «финансовых пузыря» — в Японии и США, один из них надо было «прокалывать», и именно японская элита приняла решения, приведшие к «проколу» японского, а не американского «пузыря», от чего японская экономика толком не оправилась и по сей день. Причина — не только глубочайшая интеллектуальная зависимость от США, но и глубина проникновения японских капиталов в американскую экономику. Освоив американский рынок, японские корпорации справедливо считали ключевым фактором своего успеха процветание не Японии, а именно США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту.

Не менее масштабный и шокирующий пример противодействия национальной элиты, находящейся под внешним воздействием, интересам своего общества дала война США и их сателлитов против Югославии.

Ее стратегической целью — как и целью всей американской политики на Балканах с 1990 года — представляется подрыв экономики Евросоюза, стратегического конкурента США, превращением руин некогда процветающей Югославии в незаживающую рану на теле Европы. В частности, агрессия 1999 года, насколько можно судить, была направлена на подрыв евро как потенциального конкурента доллару.

Тогда европейские лидеры поддержали США, несмотря на резкий протест не только европейской общественности, но и среднего звена их собственных политических структур. Повестка дня для Европы после войны всегда формировалась ими под интеллектуальным влиянием США, и привычка к этому превратила тогдашних руководителей Европы в могильщиков ее стратегических перспектив. Из-за войны евро рухнул почти на четверть и на три с лишним года лишился возможности «бросить вызов» доллару, а европейская экономика окончательно стала простым дополнением американской.

Это же качество европейской элиты проявилось и после 11 сентября 2001 года, когда Европа, спасая доллар, показала, что рассматривает американскую экономику не как конкурента, а как структурообразующего лидера мирового порядка, в котором исчезла сама идея «европейского вызова». Формирование сознания европейской элиты американцами примирило Европу с положением, при котором в то самое время, когда падение евро оказывалось для американцев маленьким конкурентным удовольствием, симметричное падение доллара представлялось перепуганным европейцам концом света.

Еще более яркий пример предательства национальных интересов — «казус Милошевича»: ключевой причиной парадоксального и катастрофического «непротивления злу насилием», за которое он заплатил и собственной жизнью, представляется вероятное размещение материальных активов его окружения в странах-агрессорах и в их валютах. Ответные удары Югославии, на которые она была вполне способна, попросту обесценили бы их.

Перечень подобных примеров можно приводить бесконечно, — но, чем ближе к нынешнему дню, тем чаще с ними приходится сталкиваться.

Наша страна с ее уже более чем четвертью века национального предательства всего лишь наиболее быстро и ярко выражает пугающую глобальную тенденцию: элиты всего мира, которым народы вверяют свое будущее и самих себя, все чаще продают их, причем не только цинично, но и удивительно дешево.

В свое время Горбачев дал нестерпимо соблазнительный пример того, что сотрудничество с Западом против своей страны обеспечивает личное благополучие и полную безнаказанность. Однако последние полтора десятилетия показали: ситуация изменилась. Лишившиеся власти лидеры — от Пиночета до Милошевича — идут под суд или прямо на тот свет, а сдавшим своего руководителя в теплые руки «мирового сообщества» приближенным вместо всех земных благ публично отрывают головы (как это было с окружением Саддама Хусейна).

Но круг представителей элит, убеждаемых этими трагедиями, по-прежнему поразительно узок.

Почему?

Почему элиты незападных стран, как лемминги к краю пропасти, бегут на Запад?

«Оффшорная аристократия»: жизнь ради потребления

Я не столько патриот страны, в которой живу, сколько патриот своего капитала.

Олег Киселев [1]

Самый простой ответ, лежащий на поверхности, — перерождение элит в силу торжества рыночных отношений и, соответственно, рыночных идеалов.

Практический критерий патриотичности элиты прост до примитивизма: размещение ее активов. Вне зависимости от мотивов ее отдельных членов, как целое элита обречена действовать в интересах именно собственных активов (материальных или символических — влияния, статуса и репутации в значимых для нее системах, информации и т. д.). Если критическая часть этих активов (которую члены элиты не могут позволить себе потерять) контролируется конкурентами этого общества, элита поневоле служит их интересам, становясь коллективным предателем.

Отсюда, в частности, следует обреченность исламского вызова, лидеры которого, в отличие от лидеров США, Евросоюза и Китая, хранят

средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут последовательно противодействовать последним.

Отсюда вытекает и ограниченная адекватность риторики о «поднятии с колен» в не упоминаемую позу, популярной среди отечественной «оффшорной аристократии». Ведь эта часть российского управляющего класса по-прежнему, несмотря на развязанную против нас «холодную войну», держит на «проклятом Западе» все свои активы, до семей включительно.

Логика представителей «оффшорной аристократии» строга и по-своему безупречна: они служат личному потреблению (неважно, материальному или символическому), ощущая Россию как «трофейное пространство» [2], вместе с населением подлежащее переработке в имущество, расположенное в фешенебельных странах, или же в (пусть и временное, но осязаемое) уважение со стороны представителей этих стран.

Солнце для них восходит на Западе, и они молятся этому черному солнцу наживы, уничтожая ради нее свои народы.

...Однако этот ответ при всей его актуальности даже не претендует на глубину.

Ведь рыночные отношения развиваются на протяжении столетий. Почему же именно сейчас, когда деньги теряют значение, уступая ключевую роль в жизни развитых обществ технологиям, а стратегические решения все более принимают нерыночный характер, — почему вдруг именно сейчас рыночные отношения начинают доминировать в сфере ценностей?

Почему людей, которые вслед за генералом Торрихосом не хотели входить не то что в собственный замок на Лазурном берегу, но даже в историю, а стремились «всего лишь» в зону Панамского канала, в массовом порядке сменяют совершенно иные лидеры, рассматривающие свои страны как «трофейные пространства», а себя — в роли наместников оккупационных армий? Что ломает ценности элит?

Конкуренция ценностей

Глобальная конкуренция ведется прежде всего между цивилизациями — на основе их ценностей и вытекающего из них образа действия.

После поражения и уничтожения советской цивилизации наиболее предпочтительно положение Запада, чей финансово-экономический образ действий наиболее универсален. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает а priori, поэтому круг ее потенциальных сторонников наиболее широк.

Конечно, ужесточение глобальной конкуренции, лишая многих возможностей успешно участвовать в экономической жизни, решительно сужает этот круг. Именно этим вызваны исламский и, отчасти, китайский вызовы Западу. Но принципиально ситуация пока не меняется: Запад остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конкуренции объективно служит почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам его образ действий объективно превращает его в проводника интересов и ценностей Запада. *Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает не по убеждениям, а по образу жизни.* Финансист принадлежит незападной цивилизации не тогда, когда дает деньги борцам с Западом, а лишь когда отказывается от использования финансовых рынков и переходит к образу жизни представителя незападной цивилизации, то есть как финансист совершает социальное самоубийство.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе элит погруженных в нее стран.

Поскольку с началом глобализации конкуренция ведется прежде всего в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто именно формирует сознание его элиты.

Формирование сознания элиты извне — слегка завуалированная форма внешнего управления. Так как дружба бывает между отдельными людьми и даже народами, а между странами и тем более государствами наблюдается конкуренция, сознание элиты обычно формируется извне стратегическими конкурентами ее общества.

Такое общество утрачивает адекватность (достаточно посмотреть на историю нашей страны с 1987 года): ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам его стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами ее страны, имеет к своей стране то же отношение, что охранник — к заключенным.

Но даже формирование сознания элиты ее собственным обществом не гарантирует ее ориентации на национальные интересы. Ведь члены элиты в силу своего положения располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане. Глобализация, обостряя конкуренцию, разделяет относительно слабо развитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты таких обществ естественно стремиться к либерализации, дающей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимыя беды их народам. При этом уровень конкуренции, необходимый представителям элиты просто для того, чтобы держать себя «в тонусе», может быть абсолютно непосилен для основной части их обществ.

В слабо развитых обществах традиционная культура, усугубленная косностью бюрократии, отторгает инициативных, энергичных людей, порождая в них обиду. А ведь именно такие люди и образуют элиту! Отправившись «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются оздоровить свою Родину механическим насаждением их

реалий и ценностей. Подобное слепое культуртрегерство разрушительно в случае не только незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своей Родине. «Умный человек неправ уже просто потому, что он умный и поэтому думает не так, как большинство, и, соответственно, отторгается им». Такое отторжение элиты характерно для многих стран.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты и особенно молодежи незападных стран на западные ценности это противоречие обостряется.

Прозападная молодежь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к простым человеческим благам, утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и (часто незаметно для себя) начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в России они служат эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости).

В результате значительная часть образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как предъявляет ей непосильные для нее требования.

Еще более важно то, что современное образование по самой своей природе включает западные стандарты культуры и представлений о цивилизованности, которые во многом несовместимы с общественной психологией, а во многом — с объективными потребностями развития незападных обществ.

Воспринимая в качестве идеала и своей цели источник этих стандартов (причем во многом существующих лишь в рекламе либо для богатейшей части соответствующих обществ), образованные слои неразвитых обществ начинают если и не прямо служить ему, то, как правило, соотносить с ним все свои действия.

Именно с этого начинается размывание системы ценностей, затем размывающее и общество. Без этого деликатного аспекта цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение активной и сознательной враждебности к собственной стране.

Технологии уничтожают демократию

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили формирование человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного — в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса.

«Наиболее рентабельный из общедоступных» — значит наиболее массовый: основным видом деятельности бизнеса вот уже скоро поколение

является изменение сознания потенциальных потребителей. Забыты времена, когда товар приспособляли к их вкусу: гораздо рентабельней оказалось приспособить едока к пище, а не наоборот.

Между тем для формирования сознания общества нет нужды преобразовывать сознание всего населения — достаточно воздействовать лишь на его элиту. Усилия по формированию сознания, концентрируясь на сознании элиты, меняют его быстрее, чем сознание общества в целом, и оно начинает резко отличаться от сознания большинства.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания, элита мыслит иначе, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания, элита мыслит иначе, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл формальной демократии (и, в частности, лишает смысла ее институты), так как идеи и представления, рождаемые обществом (не говоря уже о его мнениях и интересах), уже не диффундируют наверх по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение ее поведения.

Когда элиты слышали человека

В начале 1930-х годов, когда все развитые страны столкнулись с политическим «эхом» распространения конвейера — соблазном тоталитаризма, письма граждан президенту США стали важным инструментом корректировки экономической политики государства. Ф. Д. Рузвельт добился того, что по многим из них направлялись представители президента, которые задним числом изменяли условия коммерческих сделок, чрезмерно ухудшавших положение граждан и создававших при широком применении угрозу неприемлемого обострения социальной ситуации.

Классическим примером стало и получение в начале войны Сталиным письма от неизвестного старшего лейтенанта Флерова, в котором

тот извещал всесильного и (как подразумевалось пропагандой) всеведущего «отца народов» об исчезновении из мировых научных журналов статей по ядерной физике. Это письмо не просто дошло до адресата — оно было воспринято им и (разумеется, наряду с другими сигналами подобного рода) стало одной из причин развертывания советской ядерной программы.

В самом начале 1991 года одно-единственное письмо (а точнее, способность и желание элиты воспринимать мнения общества) также повлияло на судьбу страны. Мало кто помнит, что Ельцин, будучи хотя и мятежным, но все же первым секретарем обкома, поначалу опасался чуждого ему стихийного забастовочного движения шахтеров.

Перелом произошел, когда в середине января 1991 года на его имя пришло письмо от обычного рабочего. На полтора листках из ученической тетрадки тот очень внятно разъяснял лидеру демократов, что все, что нужно шахтерам, — это право продавать по свободным ценам 10 процентов угля, и что они поддержат любого политика, который обещает им это.

Б. Ельцин воспринял эту идею и, «оседлав» шахтерское движение, превратил его в свой таран против М. Горбачева.

Сегодня такое развитие событий невозможно. Даже если письмо обычного человека дойдет до окружения лидера, продравшись через сито отдела писем (который докладывает «наверх» лишь статистику: количество писем и их тематику), руководство, скорее всего, просто не поймет его смысла.

Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно разный смысл в одни и те же слова и делать разные, порой противоположные, выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель может встречаться с «ходаками», как Ленин, и даже регулярно «ходить в народ», — но не чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж и повысить рейтинг — политический аналог рыночной капитализации.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Они утрачивают способность к главному — к взаимопониманию. Как писал Дизраэли по иному поводу (о бедных и богатых), в стране возникают «две нации».

Эта утрата взаимного понимания, вызванная не злым умыслом, но сугубо объективными, технологическими факторами, разрушает демократию, подменяя ее хаотической пропагандой и перманентной информационной войной значимых политико-экономических групп. «Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму».

И общественное сознание — не только цель, но и поле боя.

Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с ней — и потребность элиты во внешней помощи. И уже сложилась сила, которая ее с удовольствием оказывает.

Глобальный управляющий класс: новые хозяева

Суть глобализации — упрощение коммуникаций. Новые коммуникации сплачивают представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, СМИ и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни в качественно новый, не знающий границ космополитичный глобальный управляющий класс.

Образующие его люди живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения, а их общие интересы обеспечивают не столько государственные, сколько частные наемные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не един — он раздираем внутренними противоречиями и жестокой борьбой; но как целое он монолитно противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни мажоритарных акционеров (строго говоря, он является таким акционером сам для себя). В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой — и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса: это качественно повышает уровень их жизни; несогласные же уничтожаются или как минимум изолируются.

Соответственно, большинство национальных элит переходит от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах «новых кочевников» — глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов (а порой и за счет их прямого подавления) и носит характер жестокой эксплуатации.

На наших глазах и с нашим участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится совместная национально-освободительная борьба обществ, разделенных государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального

управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил — ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом, утрачивают свое значение. Они оказываются ничтожными перед глубиной общих противоречий между силами, стремящимися к благу отдельных обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания пятого — еще одного после существующих социалистического, троцкистского, либерального и финансового, — патриотического (как это ни парадоксально звучит) Интернационала, объединенного общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния, культурного потенциала и прогресса своих народов.

Ведь человечество, каким бы несовершенным и раздробленным оно ни было, не хочет становиться на четвереньки.

Технологический социализм против «Железной пяты»

Ахиллесова пята глобального управляющего класса — в службе глобальным монополиям, которые, как и все монополии, стремятся заблокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения. Этот путь ведет к архаизации общественных отношений, заталкивает мир в новое Средневековье, новые Темные века.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать развитие технологий, объективно взрывающих монополизм, в том числе и глобальный.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, — точно так же этот же самый современный (и завтрашний) человек должен стремиться к технологическому прогрессу. Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведенном примере он жертвует общественным приличиям свое время, как правило, не задумываясь о стоящих за ними потребностях его собственного здоровья.

Человечество приближается к коренному изменению мотивации своей деятельности.

Заменой узкорыночного стремления к голой прибыли, автоматически рождающего монополизм, постепенно становится стремление к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной и интересной, и включающее в себя погоню за прибылью лишь как одну из многих целей.

Упование на технологии против всепобеждающего монополизма рынка — при всей наивности такого упования (как и любой, во все времена надежды на лучшее будущее) — представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преобразующейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею *технологического социализма*.

Сегодняшняя форма общественного развития — это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла и выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь — всего человечества без исключения.

Судьба этой борьбы будет решена противостоянием стремления человека к нормальному гармоничному развитию с одной стороны, и стремления глобального бизнеса к его закреплению с другой. Наиболее полным выразителем второй тенденции выступает современный либерализм как идеология не свободы и суверенитета личности, как это было во времена Вольтера и в XIX веке, но идеология враждебно противостоящего всему человеческому глобального бизнеса.

Принятие этой идеологии и служение ей в силу ее специфики неминуемо накладывает на человеческое сознание серьезнейший отпечаток, который необходимо учитывать и использовать. Ведь игнорирование особенностей современного либерального сознания качественно снижает эффективность взаимодействия с ним и затрудняет противостояние безумной и безудержной агрессии его носителей.

Фундаментальная ошибка либерализма

Каюсь, на заре туманной юности я (в силу возраста, недостатка образования, врожденной склонности к лояльности и исторических условий) придерживался либеральных воззрений и по сей день искренне благодарен Е. Г. Ясину, близкое наблюдение за действиями и способом мышления которого избавило меня от этого интеллектуального недуга сравнительно быстро и эффективно.

Не вдаваясь подробно в многократно рассмотренные пороки либерализма и причины его популярности (*см.*, например, [3]), укажу главный недостаток: его сторонники исходят из убеждения, что каждый человек в полной мере может отвечать за последствия своей деятельности.

Подчеркну: не «должен», а «может», вот прямо здесь и сейчас.

А раз так — его можно и даже нужно вот прямо здесь и сейчас ставить в соответствующие условия и соответственно с него спрашивать.

По моим скромным наблюдениям, данная установка не верна даже для большинства населения развитых стран — что в практической по-

литике, как правило, учитывается властью (потому эти страны, собственно, и остаются развитыми). И человек, и человечество пока еще не вполне совершенны, что делать.

Для России же, основная часть населения которой до сих пор не вполне адаптировалась к шоковому падению в рынок, философская максима либерализма была и остается откровенно неверной. Ее применение напоминало даже не бросание в воду заведомо не умеющего плавать — мол, если не выплывет, сам виноват, — но требование к слесарю (а хоть бы и профессору биологии, если кто обиделся) немедленно сдать экзамен по квантовой физике с деклассированием и нищетой в качестве альтернативы.

Именно применение этой доктрины к заведомо не соответствующему ей обществу и вылилось в политику социального геноцида, де-факто с упоением проводимую и по сей день и качественно усугубляющую последствия национальной катастрофы, произошедшей в нашей стране в 1991 году.

Абсурдность фундаментального тезиса, лежащего в основе современной либеральной идеологии, и его откровенная несовместимость с реальностью, естественно, накладывают дополнительный отпечаток и на сознание его носителей.

Заблокированное восприятие и тоталитарность

Больше всего в современном российском либеральном сознании бросается в глаза органическая неспособность воспринимать мнение, сколько-нибудь отличающееся от собственного. Подчеркну: не «отторжение», не «враждебность», не «нетерпимость», — а именно неспособность самого восприятия как такового. Советское КГБ изучало диссидентов и глубоко разбиралось в их разновидностях; современное же либеральное сознание пошло в их неприятия значительно дальше — оно их в принципе не воспринимает.

В этом смысле «День отличника» Кононенко [4], при всей его скучности и бесталанности (замысел великолепен, но он опоздал на 20 лет и достался не тому автору), представляет собой оборотную сторону медали, гениально отчеканенной Сорокиным в «Дне опричника» [5]. Это действительно два полюса не только нашей бюрократии, но и нашего общества — наши Сцилла и Харибда. Нам между ними продирается еще долго. Но серьезные затруднения обществу создают обе, и зачастую либералы выглядят приличными людьми просто в силу своей отделенности от власти, которая не дает им реализовать свои представления о прекрасном и устроить стране новые 1990-е годы.

Враждебность современной либеральной идеологии в ее специфическом российском выражении интересам большинства граждан России исключает для ее носителей возможность быть демократами, то есть людьми, учитывающими мнения и интересы своего собственного народа. На их знамени по-прежнему, как и четверть века назад, написано: «Железной рукой загоним человечество в счастье!». А если оно понимает счастье как-то по-своему — тем хуже для него.

Идеология либерализма полагает «народом» лишь тех, чье состояние начинается примерно от миллиона долларов, и в этом российские либералы следуют реконструированному Стругацкими, а на деле весьма древнему принципу: «ни о каком принуждении... не могло быть и речи... и даже самый последний землепашец имел не менее трех рабов» [6]. Беда только в том, что этого же подхода придерживается и нынешняя правящая бюрократия; в сфере социально-экономической политики (за исключением вопросов усиления государственного вмешательства в жизнь общества) она совершенно либеральна и даже состоит во многом из бывших соратников и поделщиков нынешних либералов.

Разница лишь в том, что у оставшихся за бортом либералов нет власти, и потому они требуют демократии и прав человека, но — лишь в политике. Всякая мысль об экономических и социальных правах граждан и даже о том, что демократическое государство должно, хотя бы потому, что оно демократическое, — следовать их убеждениям, в том числе и нелиберальным, проникает в сознание либералов лишь при острой практической надобности, и по миновании этой надобности немедленно изживается их сознанием без какого бы то ни было следа. (Правда, мысль о наличии у граждан неполитических прав чужда и иностранным единомышленникам наших либералов. Когда на одной из встреч в США я указал собеседникам-ученым на необходимость критики руководства России за нарушение не только политических, но в первую очередь более близких обычным людям социально-экономических прав, мои собеседники растерялись, а затем стали искренне утешать меня, объясняя, что изымут эти мои слова из стенограммы, и никто ничего не узнает.)

В силу изложенных причин либералы являются, как давно было подмечено, носителями наиболее тоталитарного в российском обществе типа сознания. В самом деле, ведь отнюдь не ставший притчей во языцех Жириновский, а один из признанных столпов российского либерализма заслужил от однопартийцев за свой стиль ведения дел говорящую кличку «Дуче».

Именно тоталитарное мироощущение, а не агрессивная ограниченность, переходящая в сектантство, и является основной причиной неспособности либералов к объединению. Объединяться могут демократы друг с другом и даже, при крайней необходимости, демократы с диктаторами. Но тоталитарные (выражаясь языком самих же либералов) лидеры, даже при всем старании, на это не способны в принципе: даже Сталина и Гитлера, как известно, хватило менее чем на два года. Чего уж ждать от наших либералов?

Коммерциализация

Либерализм — идеология обожествления бизнеса. Крупный делец, с точки зрения либерала, не может быть плохим (конечно, если не совершает неопровержимо доказанных и признанных самим либералом преступлений против человечества) уже только потому, что он получает большую прибыль.

Соответственно, критически значимая часть либералов весьма коммерциализирована. Особенно это заметно среди молодежи (людям, сформировавшимся в СССР, наука бизнеса все же дается с большим трудом; никто не может обвинять в коммерциализации, например, Новодворскую, — как и во всех остальных грехах, кроме отсутствия здравого смысла): как написал несколько лет назад один не очень уже молодой журналист, «неужели кто-то мог всерьез подумать, что я буду ругать кого-то бесплатно?».]

Впрочем, современных россиян, в отличие от булгаковских москвичей, испортил не только «квартирный», но и «пиарный» вопрос. Поэтому после вопроса о деньгах в мозгу либерала немедленно возникает второй: «Что за этим стоит?» Грубо говоря, кто и под кого «копает» распространением соответствующей информации.

Здесь опять-таки трогательно выглядит смычка либералов от оппозиции и их прежних коллег, в силу более высоких административных способностей удержавшихся в правящей бюрократии. Ведь представители последней точно так же воспринимают любую критику сначала как «оплаченную американским и британским империализмом и вашингтонским обкомом» (в крайнем случае, Березовским или Невзлиным, кровавыми когтями тянущимися к горлу молодой «сувенирной демократии»), а затем — как диверсию той или иной группы бюрократов и олигархов против другой такой же группы.

Да, конечно, информационные войны, вопреки всей пропагандистской истерии по поводу незыблемо стоящей «вертикали власти», бушуют в «нулевые» и «десятые» годы не хуже, чем в девяностые (Ельцина его доверенные сотрудники пару раз, помнится, досрочно «хоронили» с хорошим коммерческим эффектом, но вот не женили заново его, по-моему, все же ни разу), и никому не хочется быть использованным ловкими ребятами в чужих корыстных целях.

Но дело в том, что даже в чужой войне, в том числе информационной, можно и нужно участвовать, если она ведется за правое дело.

Агрессивность

Неспособность воспринимать инакомыслие и, соответственно, уважать чужую точку зрения в сочетании с ощущением личной ущемленности естественным образом порождает высокую агрессивность.

Эта черта характерна для аудитории интернет-форумов в целом, но в ней она порождается в основном низкой образованностью и иллюзией анонимности (а значит, и безнаказанности); понятно, что эти причины к основной массе российских либералов неприменимы.

Вопрос «сколько сребреников тебе заплатили, Иуда?» в качестве основного аргумента против нелюбезной критики или просто не вызывающей одобрения точки зрения гармонично переходит в угрозы — от прямого обсуждения знаменитой «нерукоподаваемости», то есть организации внутрилиберального бойкота тем, кто записан в «нерукопожатные», до ставшего вполне стандартным в силу своего изящества

выражения «Отстаньте уже от нас... А то ведь мы и впрямь начнем предполагать разное...» [7]. Такое ощущение, что агрессия как способ ведения дискуссии — это единственное, чему смогли научиться наши либералы у руководителя Либерально-демократической партии России, который, хочешь не хочешь, остается лучшим (если вообще не единственным) политиком России.

Особенно забавно, что она проявляется и в отношении к партнерам, хотя бы и ситуативным. Мне очень понравился один из либеральных организаторов оппозиционной Национальной ассамблеи, существовавшей под эгидой Каспарова в 2008—2009 годах, вдумчиво, со вкусом и без всякого подвоха рассказывавший одному из участников-коммунистов, как он поучал своего сына, что хорошие коммунисты все же бывают, — но только мертвые. Это действительно был тот честный максимум сотрудничества, на который он способен.

Примитивность

При всем изложенном выше, либералы — люди, значительно более образованные и успешные, чем граждане России в целом. Однако наибольшее количество откликов и обсуждений с их стороны вызывают не статьи, содержащие относительно сложные мысли, аргументы и доказательства, а примитивные агитки, состоящие из по-разному поворачиваемых (один-два максимум!) лозунгов. Более того: даже в сложных статьях самую острую реакцию вызывают обычно мелкие, глубоко частные детали.

Да, это является особенностью аудитории интернет-форумов в целом; но, еще раз повторю, именно у либералов такая особенность в силу их большей образованности и общей культурности (чем они и ценны, и необходимы, при всех своих раздражающих недостатках) наиболее режет глаз и вызывает изумление.

Другое массовое проявление примитивизации — органическая неспособность воспринимать мир многомерно. Увы, речь идет не о стандартном демагогическом приеме огрубления любого вопроса до дихотомии «черное — белое»; речь идет об искренней, честной, глубоко органичной неспособности воспринимать более одной стороны любого явления.

Признаюсь, несколько лет назад я поставил эксперимент и специально на протяжении одной и той же статьи высказывал противоречащие друг другу точки зрения (в частности — и ругал, и хвалил Жириновского). Именно посетители либеральных форумов впадали по этому поводу в негодование и жестко критиковали автора за высказывание диаметрально противоположных тезисов.

Мысль, что даже такие сравнительно простые явления, как Жириновский, могут быть не совсем однозначными, просто не умещается в сознании типичного российского либерала. Да, он убежден (как минимум со стакана сока, выплеснутого в тогда еще живого и успешно провоцировавшего его Немцова), что Жириновский — подонок. Да, он видит его чрезвычайную успешность, что означает его эффективность как

политика. Но его сознание столь примитивно, что эти две простейшие мысли, строго говоря, ни в малейшей степени не противоречащие друг другу, просто не помещаются в нем одновременно, — и первая напрочь вытесняет вторую. Жириновский находится на арене российской политики более четверти века, — и уже много лет подряд я хвалю этого политика за эффективность, в том числе и в беседах с либералами. И уже много лет подряд я вижу, что эта мысль почти всякий раз оказывается для них новой, неожиданной и, в конечном счете, не поддающейся восприятию.

«Патриотизм — последнее прибежище негодяя»

Давно уже разжевано и доказано даже для самых идеологизированных «глотателей газет», что великий Л. Н. Толстой, переводя сложный текст, написанный на староанглийском языке, сумел-таки перевести его неправильно. В оригинале было «патриотизм может оправдать даже негодяя», а из-под пера классика вышло «патриотизм — это способ самооправдания негодяя» [8. Р. 269]. Очень хотелось подтвердить свою мысль — с кем не бывает.

Но почему именно либералы сделали ошибку классика фактором общественной жизни?

Сначала — понятно, валили КГБ, КПСС и СССР. Но свалили же — почему не поднимать собственный, российский патриотизм, как во всех странах СНГ?

Почему все девяностые годы, пока либералы были у власти, любить свою Родину было стыдно? Почему за словосочетание «национальные интересы» в служебной бумаге еще в 1995 году (личный опыт) можно было огрести серьезные неприятности?

Потому что, когда в начале 1990-х, по известному выражению, «попали в Россию», далеко не все «целили в коммунизм». И те, кто промахнулся, вроде Зиновьева и в целом диссидентов, — как правило, горько раскаивались и никакой карьеры в своем раскаянии не сделали.

А карьеру сделали, в тогдашних терминах, «демократы» — те, кто попал, куда целил.

Лучше всего это выразил умнейший и откровеннейший из либералов Кох, давным-давно сказавший о бесперспективности и безысходности России с такой чистой детской радостью, что она повергла в шок даже его коллег [9].

Реагируя на теракт 11 сентября 2001 года, он же, отметив, что «для меня в Нью-Йорке все улочки родные», без каких-либо наводящих вопросов, по собственной воле признал: «Испытал полное бессилие и опустошение. Два года назад у нас в России взрывали дома, но тогда не было эффекта присутствия» [10], — при том что, если я не ошибаюсь, в августе 1999 года он в России был, а в сентябре 2001-го в США не был. И дело здесь вряд ли только в телетрансляции: дело, скорее, в самоидентификации человека — в том, где именно у него находятся «родные улочки».

Не менее откровенна была еще одна «прорабша перестройки», которая на «круглом столе», посвященном 11 сентября 2001 года, вдруг стала яростно доказывать, что любые люди, готовые сознательно отдать свои жизни за что бы то ни было, и особенно за какую бы то ни было идею, — выродки рода человеческого и должны выявляться и уничтожаться физически в превентивном порядке, чтобы не мешали нормальным людям нормально жить.

Дело было в Ленинграде (тогда и ныне Санкт-Петербург), недалеко от Пискаревского кладбища, где лежали эти самые, по ее терминологии, «выродки».

Признаюсь: даже американцы в своих войнах после Второй мировой войны, даже террористы, даже фашисты ближе мне, чем эта визжащая либеральная дама, которую я слышал своими ушами. Потому что они сражались за свой народ — или хотя бы искренне думали так; а она вполне сознательно сражалась против своего народа.

Не исключаю, что это вышло у нее нечаянно — просто потому, что в основе ее мироощущения лежали запросы потребления.

Последнее слово — главное для понимания отношения либералов к России. Иначе понять политику либералов по отношению к нашей стране можно, лишь поверив, что они бескорыстно испытывают к ней животную ненависть и стремятся любой ценой ее разрушить просто так.

На самом деле все проще: они просто стремятся обеспечить себе качественное потребление, оставаясь равнодушными к цене этого потребления для всех остальных. «Ничего личного — только бизнес». Дело здесь совсем не в какой-то специфической ненависти: хотя она часто действительно имеет место, как причина либерального поведения она все же второстепенна.

Россия нелюбима либералами не как враг, не как противостоящая сила, но лишь как неудобство, как гвоздь в ботинке: ее народ (тоже запрещенное после победы демократии слово, положено говорить «население»!) мешает им красиво потреблять — как плохому танцору мешают танцевать ноги.

Обычным людям свойственно застывать в тяжком раздумье между севрюгой и Конституцией; при выборе же между Конституцией и куском хлеба 95 процентов людей не задумаются ни на минуту, и всерьез осуждать их может только тот, кто не голодал сам.

Но именно у либералов — и именно в силу их идеологии — потребительская ориентация выражена предельно полно. И, служа своему потреблению, они автоматически, незаметно для себя самих, начинают служить странам и регионам, где потреблять наиболее комфортно, — нашим объективным, стратегическим конкурентам. И, живя ради потребления, они начинают любить те места, где потреблять хорошо, комфортно; и не любить те, где потреблять плохо, неудобно.

Не любить Россию.

И это очень хорошо демонстрируют практические действия либералов, по-прежнему обслуживающих власть и практически полностью определяющих ее как минимум социально-экономическую политику.

Конечно, западные стандарты культуры и цивилизованности во многом не совместимы с российской общественной психологией, а во многом — и с объективными потребностями нашего общественного развития.

Но у либералов отторжение от страны достигает высочайшей степени. В результате значительная часть интеллигенции, а точнее — образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как обижается на нее кровно, предъявляя ей непосильные для нее, несоразмерно завышенные стандарты своего личного потребления. Потребления не только материального, но и интеллектуального — и еды, и дорог, и разговоров «на кухне», и демократии.

Эти непосильные стандарты несовместимы с существованием страны и требуют уничтожения: либо ее, либо либералов как обладающего существенной властью клана.

Данный выбор становится все более актуальным, и его откладывание всего лишь повышает шансы либерального клана, обслуживающего интересы глобального бизнеса, на уничтожение России.

Литература

1. Киселев Олег. Биография. — www.peoples.ru/undertake/finans/kiselev/
2. Жуковский В. Вылетаем в «трубу» // Завтра. 31.10.2012.
3. Делягин М. Россия после Путина. М.: Вече, 2005.
4. Кононенко М. День отличника. М.: Фолио, 2008.
5. Сорокин В. День опричника. М.: Захаров, 2006.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. М.: ОЛМА-пресс, 2003.
7. Рыклин А. С узкоместнических либеральных позиций // Ежедневный журнал. 02.03.2008.
8. Boswell J., Malone E. Life of Samuel Johnson, LL. D. L.: Penguin Classics, 2008.
9. Минкин А. Прощай, умытая Россия // Новая газета. 03.11.1998.
10. Альфред Кох в рубрике «Прямая речь» // Коммерсант. 14.09.2001. ◆